

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПОЛИТОЛОГИЯ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

УДК 32.001

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО РОССИИ: ЛОГИКА И ЗИГЗАГИ ЭВОЛЮЦИИ

© 2014 г.

М.А. Казаков

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

kazakov_mihail@list.ru

Поступила в редакцию 24.12.2013

Делается попытка одного из возможных вариантов рассмотрения политического лидерства в рамках сложного процесса его эволюции. Авторский интерес к данной теме имеет давнюю историю, поэтому наряду с оптимальной, по нашему мнению, логической линией развития политического лидерства ставится вопрос о некоторых причинах иной перспективы, рождающей на наших глазах новые трения и зигзаги в эволюции феномена.

Ключевые слова: политическая власть, политическое лидерство, политический порядок, модернизация, политическое развитие, эволюция, элита.

Современное политическое лидерство как определенная подсистема власти и общества – качественная характеристика политического порядка страны, по-разному понимаемого в центре и в провинции. Она исходит из того, что лидерство существует на разных уровнях и в измерениях социального пространства, имея сложную структуру звеньев и отношений, «венчает» политическую систему РФ, озадачено перманентным моделированием действительности с целью изменения или реставрации условий, факторов, предпосылок и стимулов ожидаемых, осязаемых социально-политических действий, персонифицирует и олицетворяет власть.

В целом, эффективность данной системы измеряется тем, как лидеры – представители различных типов управленческого стиля – осознают и выполняют за счет обладания решающими полномочиями в процессе принятия решений в масштабе государства (региона, партии) свои *основные* политические роли и социальные функции. Они упорядочивают как их деятельность, которая может быть понята через разнообразие действий субъекта, участвующего в достижении, упрочении и удержании власти, так и, будучи формами и способами существования политического лидерства как института власти, определяют стиль и характер деятель-

ности других основных управленческих структур и организаций. В этом смысле лидерство характеризуют не только персональные (личные) качества субъекта, а главным образом их отношения с населением и государством, пребывающие в постоянной динамике.

В представленном тексте, условно разделенном на две части, содержится попытка одного из возможных вариантов рассмотрения политического лидерства в рамках сложного процесса его эволюции. Авторский интерес к данной теме имеет давнюю историю [1, с. 22]. Поэтому наряду с оптимальной, по нашему мнению, логической линией развития политического лидерства ставится вопрос о некоторых причинах иной перспективы, рождающей на наших глазах новые трения и зигзаги в эволюции феномена.

Противоречивые тенденции (см. ниже) в эволюции отечественного политического лидерства характеризуют его высших представителей (руководителей) как определившихся в статусе самостоятельных субъектов политической власти. Практика осуществления ими своих властных полномочий складывается непосредственно из сочетания двух основных групп факторов – диспозиционных и ситуационных – в контексте зависимости каналов восхождения и механизмов реализации лидерского потенциала от преобладающих социо- и политико-

культурных традиций. Динамический срез данной зависимости проявляется в особенностях распределения власти и влияния между субъектами политики, находя выражение в типе политического режима.

Доминирующий статус лидера в структуре российской власти и управления, многофункциональное содержание его деятельности, сориентированной публично на сбалансированность различных интересов, как правило, придает поведению лидера корпоративный характер, усиливает его солидарность с политическими, прежде всего государственными структурами, заинтересованными, как и он, в сохранении своего положения. Соответственно, политическое лидерство – это в принципе фактор стабильности действующего режима правления, а деятельность любого руководящего лица, особенно избираемого, отражает и наличие особых нравственно-этических отношений с населением, которые свидетельствуют об уровне его авторитетности.

Еще Н. Макиавелли писал, что для государя главное – создать «видимость наличия» тех качеств, что нравятся его подданным. Только так можно обеспечить власть и «духовное княжение» над народом. Поэтому лукавство, обман населения являются необходимыми для политиков такого уровня качествами, которые позволяют им контролировать политические процессы [2, с. 144]. Не секрет, что главной отличительной особенностью лидерской модели В. Путина является т.н. макиавеллизм, то есть умение политического лидера манипулировать людьми и обстоятельствами [3, с. 116].

Впрочем, в разной мере это свойственно практически всем руководителям и духовным вождям, занимающим прочные позиции в контролируемом секторе власти. Наиболее интенсивно политическое манипулирование осуществляется, во-первых, когда интересы элиты (и лидеров как их ставленников) значительно или полностью противоречат интересам населения; во-вторых, когда наступает определенный предел и передел власти; а также когда она нуждается в массовом одобрении новой модели политического развития [4, с. 18].

Принципиально здесь, как реально соотносятся универсальные, общеполитические, институциональные и неинституциональные элементы исследуемого феномена власти, образуя ту или иную *степень его зрелости*. При этом политическое лидерство в процессе эволюции способно утрачивать отдельные свои базовые качества (нормы, традиции, обычаи, символы) и сохранять, реставрировать их, если они актуальны для упорядочения организации власти. Таким образом, с точки зрения логики эволю-

ция политического лидерства может быть представлена как процесс постепенного повышения взаимосоответствия ее элементов и, благодаря этому, обретения внутренней целостности. Технически – путем снижения качественной и функциональной определенности системы за счет ослабления и распада отслуживших, переходных слагаемых и отношений, формирования и строительства в рамках государства новых, востребованных временем, создающих и развивающих в данных исторических обстоятельствах ее современный облик.

Сторонники этого в широком понимании «девелопменталистского» (от англ. *development* – развития) подхода обращают внимание на важность для организации власти характера «зависимостей» проводимой лидером политики, например, от ее собственной структурной дифференциации, динамики экономического роста с целым спектром его важнейших индикаторов. А также «способностей» политической системы, предполагающих готовность вертикали власти к «обновлению», «мобилизации» и обеспечению тенденции «к равенству» политических акторов и участников.

Движущей силой этих процессов выступают лидеры и группы лиц, наиболее в них заинтересованные, образующие т.н. «коалицию роста», включающую в себя тех, кто проводит и поддерживает курс на развитие и участвует в его реализации. Противоположной тенденцией является «заморозка» рациональных, демократических порядков на начальных стадиях своего развития за счет превалирующего влияния государственных институтов (включая их глав), недопущение или жесткое ограничение участия структур гражданского общества в политических процессах.

Концепцию, в которой, по сути, отрицается главенствующая роль некоей внутренне организующей политику структуры, выдвинул французский социолог и политолог П. Бурдьё. В связи с чем уместно отметить, что эволюция теоретических представлений и методов изучения политического лидерства самым непосредственным образом определяется условиями, в которых идет накопление научных знаний. Они формируются прежде всего как способ (*само*)рефлексии конкретного общества, переживающего и описывающего свои реальные изменения, конфликты и технологии их разрешения. Даже современные информационные возможности, качественно новый уровень международного сотрудничества, влияя, не меняют *национальные приоритеты* развития политической науки, в том числе и в изучении исследуемого феномена.

Реальность нынешней ситуации в политическом лидерстве РФ транзитивна и отмечена пересечением различных динамик. В общем, параллельно процессам усиливающейся конкуренции, возрастающей активности и гуманизации социума идет одновременное развитие структур взаимодействия консервативной и неолиберальной ориентаций в рамках пересекающегося процесса трансформации индустриального и постиндустриального типов общества. Причем мотивы и стимулы такого взаимодействия далеко не одни и те же не только у разных групп населения и власти, но и в разных сегментах правящей элиты по причине той же разницы в понимании социальной реальности и государственной политики.

Для перехода к постиндустриальному рубежу и соответствующему качеству лидерства России нужна действенная комплексная модернизация, а ей в свою очередь – новые требования не только власти, государства, но и общества, запросы и отношения в котором должны быть соотнесены с интересами социально активных людей, групп, складывающейся гражданской нации. Адаптируясь к влиянию внутренних и внешних факторов, система политического лидерства призвана постоянно совершенствовать свое строение и функционал, искусно достраивая собственные уровни и порядки необходимыми институтами, структурами, взаимосвязями, способствуя тем самым целенаправленным изменениям себя и общественных отношений. Что лишний раз подчеркивает значение не только вопросов «кто?» и «как правит?», но и ответа на вопрос «с какой целью?».

В чем же наиболее общие причины иной перспективы, порождающей на наших глазах новые трения и зигзаги в эволюции феномена?

Сразу отметим, что одним из наиболее общих политических факторов, влияющим на структуру российского лидерства, модели его развития (в целом и отдельных компонентов, процессов), оказывается *степень централизации государства*, определяющая характер его административной подсистемы. Как высший сегмент власти, лидер ее возглавляет, как центр принятия решений – призван ее регулировать (во взаимоотношениях с другими – армией, бюрократией, наукой, судами, прессой и т.д.), как институт и лицо, связанное отношениями ответственности перед населением, – соответствующим образом реформировать.

Такая тройственность в отношениях только с этой подсистемой, включая разнообразные механизмы взаимодействия с другими, не может не создавать различных способов внутреннего и внешнего структурирования, функционирова-

ния и адаптации политического лидерства, организации институтов обеспечения и поддержки. Сохранение принципов построения и функционирования этих институтов, формирующих лидерство, позволяет наладить механизм преемственности в элитных кругах. Пересекаясь со стремлением лидеров удерживать свои позиции в обществе, они тесно связаны с *проблемой легитимации*. Как таковая она обеспечивает когнитивную и нормативную интерпретацию политического порядка, способы объяснения и обоснования в нем доминирующего положения лидеров и элитных групп.

Сложность современного политического лидерства такова, что раскрытие его конструктивного потенциала возможно только на базе комплексной инфраструктуры политической социализации, взаимодействия и мобилизации. При переходе к его современной модели, которая не только отражает, но и задает институциональный порядок общества, осуществляет успешную культурную экспансию на население страны, в его недрах формируется гражданская нация как сравнительно однородное и солидарное сообщество. Его требования к власти известны: поощрение вертикальной мобильности; открытость для ротации снизу, отраслевая компетентность, жесткая кадровая и персональная ответственность на базе прозрачных и публичных критериев результативности работы на всех уровнях власти и т.д.

В обстановке срыва или сдерживания такого перехода инфраструктура лидерства из-за симбиоза «старых» и «новых» институтов, отношений и видов деятельности работает в режиме «шаг вперед, два назад». А в отношениях граждан с властью преобладает традиционная модель, принимаемая обеими сторонами как норма поведения и т.д., и в этом следует видеть основную причину нездоровья (хронического состояния) власти и общества, проявляющуюся в *общем* потребностью модернизации, в *особенном* – перекосом формальных и неформальных практик.

Во-первых, самостоятельность лидера или соответствующей группы лиц – это не «самовластие», а именно эта традиция сохраняется в стране. Власть в России самоопределилась по отношению не к обществу, а к народу, то есть власть – субъект, народ – объект, что придавало и придает власти не столько политический, сколько патримониальный характер [5, с. 82]. Как ответная реакция: в использовании большинством населения специфических стратегий поведения (поведенческих практик) в отношениях с властью преобладает противостояние различных социальных групп и ее структур – *отчуждение* в марксистской терминологии.

Во-вторых, механизм принятия решений по-прежнему находится в руках ограниченной (высокостатусной) группы лиц. М. Афанасьев определяет этот узкий властвующий слой (совокупность властвующих групп) как «постномклатурный патронат», паразитирующий на государственных формах [6, с. 260–281]. Тенденция реализации интересов господствующих групп в обход легальных правил и процедур, ставшая обычной практикой, лишь с недавнего времени пошла на понижение.

Невнятность процедур подготовки и принятия решений провоцирует чувство политической некомпетентности или «синдром лилипута» у части россиян и означает излишнюю свободу действий чиновников. Ущербность ситуации заключается в том, что, в отсутствие должного (демократического) контроля за деятельностью бюрократии со стороны лидера, а общества за действиями власти в целом, «инструментальные функции аппарата управления трансформируются в целеполагающие, и он превращается в самодовлеющую силу общества» [7, с. 89]. Истоки такого положения лежат опять же в области обычая, а не права.

В-третьих, рассматривая личность главы государства как политический и моральный центр власти, носители традиционалистских воззрений пытаются объяснить недостатки в осуществлении политической власти по старой мифологической схеме «каков царь – таковы слуги». А в случае разочарования в личности лидера вместо структурных изменений в организации и функционировании власти предпочитают искать очередного *героя* – «избавителя», способного спасти страну [8, с. 66], подключая к процессу поиска СМИ и армию политтехнологов. Те изощренно воздействуют на формирование политического выбора российского электората, голосующего в массе своей за собственные ожидания, спроецированные на узнаваемых лидеров.

Отсюда предпосылки еще и «героического ренессанса», погружающего общественно-политическую мысль в славное, но «тщательно отобранное» прошлое. Причем идейно-исторические корни этой идеологии значительно глубже «имперских» символов и при «нецелевом использовании» в реконструкции традиции способны порождать серьезные проблемы – тот же «культ личности», «особый путь развития» и т.п.

Суть проблемы не в том, что нечто новое лидеры нам предложить не могут. Вот мы и следуем «сверху вниз» к прошлому. Здесь уместно будет привести слова О. Жирара: «Нам легче понять процесс принятия политического решения через историю, чем через социально-

экономические данные. Через историю, и, в частности через «ретроспективную социологию», благодаря тому свету, который они бросают на генезис решений, мы способны идентифицировать типы политики, главные управленческие альтернативы и формы действий, которые в краткосрочном плане могут служить как модели для будущего» [9, с. 166].

В действительности, предопределенность прошлым, как и соотнесенность настоящего для обоснования политического курса с «выгодным» для сравнения историческим периодом, это элементы символической политики российского государства и его руководителей. «Укореняя» посредством их себя и свои действия в национальной традиции, они, при всех отличиях, так и не сформировали «альтернативного имперскому историческому нарратива, который мог бы послужить основой для самоидентификации России как нового национального государства» [10, с. 580].

Однако нельзя приступать к строительству будущего при отсутствии стратегического видения путей достижения поставленной цели. Следовательно, мы имеем дело с такой историей и настоящим, отмечал А. Панарин, что «склонны исповедоваться авангарду». Тогда «политическая истина носит априорный характер – владеющий великим учением авангард знает ее до всяких выборов, которые воспринимает как посягательство на свое право вести паству в заранее уготованное будущее» [11, с. 263].

В какой-то степени такую перспективу можно считать следствием отмеченных тенденций. Она становится рубежным фактором развития институциональной и неинституциональной деятельности лидеров, способным привести к дихотомии и структурному неравновесию не только этой, но и всей общественной системы. Правда, скорее всего, непреднамеренно. Но в своих проявлениях эта перспектива является вполне достаточной для того, чтобы сегодня существенно сказываться на «главном качестве власти – способности к конструированию отношений между людьми» [12, с. 205] и возможности их *интеграции* – универсальном качестве лидерства.

В свое время другой французский мыслитель, философ Ж. Ренан, предложил такую формулу культурно-государственного единства: «Общая слава в прошлом, общая воля в настоящем», «общая программа действий» на пути в будущее. Если таковой ныне в России является политика модернизации, то одна из первейших задач действующих лидеров – сформировать готовность нации к единению; элиты – служить организационной оформленности

структур социального взаимодействия; государства – обеспечить его целостность и развитие. Тогда Российская Федерация есть и будет – процессом постоянного подтверждения готовности нации к единению.

Первично, по Д. Растоу, это означает, что «...значительное большинство граждан потенциальной демократии не должно иметь сомнений или делать мысленных оговорок относительно того, к какому политическому сообществу они принадлежат...» [13, с. 6–7]. А в нем, как отмечает А. Ахиезер, «элиты постоянно стремятся поднять массовое сознание до уровня своих ценностей» [14, с. 578], так как для них принципиален контекст их функционирования. Следовательно, политическое развитие России в целом невозможно без формирования у граждан устойчивого сознания принадлежности к единой нации, ее лояльности как инвестирования своих капиталов в деятельность лидеров, государства, развитие страны. Это дает ощущение идентичности и солидарности в политической системе, столь важные для позитивной легитимации политического лидерства и его эффективной эволюции.

В заключение можно процитировать Д. Норта: «Несовместимость формальных правил и неформальных ограничений (что может быть результатом глубины культурного наследия, в рамках которого были выработаны традиционные способы разрешения основных проблем обмена) порождает трения, которые могут быть ослаблены путем перестройки всех ограничений в обоих направлениях, и тогда будет достигнуто новое равновесие, значительно менее революционное, чем риторика перемен» [15, с. 10]. А именно: через совокупность общих базовых интересов, связанных в нашем случае с самим существованием феномена политического лидерства в конкурентной рыночной среде.

Другим аспектом, во многом изменяющим представления об эволюции лидерства, являются углубляющиеся тенденции его институционализации и профессионализации. Они заметно ограничивают власть лидеров и возможности их маневра, наращивают влияние среды на процесс принятия решений. Таким образом, политическое лидерство как объект/субъект институционализации власти, ее профессионализации и собственной системной эволюции становится носителем определенного типа взаимодействия, ориентированным в русле модернизации страны на производительные и общественно-необходимые виды деятельности в обществе, выразителем его базовых ценностей, связанных с порядком и управлением, отражающих тенденции прогресса.

Как отмечал Ж. Блондель, «нормальная» ситуация порождает тип лидеров-менеджеров». Они способны и в заданных обстоятельствах персонализировать и адаптировать фундаментальные национальные интересы для конкретного исторического периода жизни общества, олицетворяя гарантию их реализации посредством отождествления с демонстрируемыми качествами лидера. Но не без скрытых форм деятельности и воздействия, в связи с чем актуальной в рамках исследуемой темы остается *проблема развития адаптационного потенциала лидерства*.

Список литературы

1. Казаков М.А. Политическое лидерство; современные проблемы эволюции. Автореф. дисс... канд. полит. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова. 1993. 22 с.
2. Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии: Учебник для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 144.
3. Рогожина Е.М. Политическое лидерство и политический процесс в современной России: политико-культурное измерение. Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2013. С. 116.
4. Казаков М.А., Савельева И.В. Манипулятивные технологии в коммуникативной стратегии региональных элит // Регионология. 2012. С. 20.
5. Межуев В.М. Традиция самовластия в современной России // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: Изд-во Московской высшей школы социальных и экономических наук, 2000. С. 82.
6. Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность. М.: Центр конституционных исследований Московского общественного научного фонда, 1997. С. 260–281.
7. Цит. по: Агеев О.В., Устинкин С.Н. Бюрократия и политика: Учебное пособие. Н. Новгород, 2003. С. 89.
8. Ачкасов В.А. «Имперский ренессанс» и легитимация власти в современной России // Власть, государство и элиты в современном обществе: Сборник материалов второго всероссийского научного семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / Под ред. А.В. Дуки и В.П. Мохова. Пермь: ПГТУ, 2005. С. 66.
9. Цит. по: Ренни Р. История и ремесло политики // Международный журнал социальных наук. 1998. № 23. С. 166.
10. Морозов В.Е. Россия и Другие: идентичность и границы политического сообщества. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 580.
11. Панарин А.С. Политология: Учебник. М.: ПБОЮЛ С.М. Грачев, 2000. С. 263.
12. Здравомыслов А.Г. Проблемы власти в современной социологии // Проблемы теоретической социологии / Под ред. А.О. Бороноева. СПб.: Петрополис, 1994. С. 205.
13. Растоу Д.А. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. 2002. С. 6–7.
14. Ахиезер А.С. Россия: Критика исторического опыта: (Социокультурная динамика России). Т. II.

Теория и методология. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. С. 578.

15. Норд Д. Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. 1997. С. 10.

RUSSIA'S MODERN POLITICAL LEADERSHIP: THE LOGIC AND ZIGZAGS OF EVOLUTION

М.А. Kazakov

This article is an attempt at considering political leadership in the course of a complex process of its evolution. The author's interest in this topic has a long history, so along with the logical line of development of political leadership, which is optimal, in our opinion, the question is raised about some reasons for a different perspective that brings before our eyes new tensions and zigzags in the evolution of the phenomenon.

Keywords: political power, political leadership, political modernization, political development, evolution, elite.

References

1. Kazakov M.A. Politicheskoe liderstvo; sovremennye problemy jevoljucii. Avtoref. diss... kand. polit. nauk. M.: MGU im. M.V. Lomonosova. 1993. 22 s.
2. Solov'ev A.I. Politologija: Politicheskaja teorija, politicheskie tehnologii: Uchebnik dlja studentov vuzov. M.: Aspekt Press, 2000. S. 144.
3. Rogozhina E.M. Politicheskoe liderstvo i politicheskij process v sovremennoj Rossii: politiko-kul'turnoe izmerenie. N. Novgorod: NGLU im. N.A. Dobroljubova, 2013. S. 116.
4. Kazakov M.A., Savel'eva I.V. Manipuljativnye tehnologii v kommunikativnoj strategii regional'nyh jelit // Regionologija. 2012. S. 20.
5. Mezhev V.M. Tradicija samovlastija v sovremennoj Rossii // Kuda idet Rossija?.. Vlast', obshhestvo, lichnost' / Pod obshh. red. T.I. Zaslavskoj. M.: Izd-vo Moskovskoj vysshej shkoly social'nyh i jekonomicheskikh nauk, 2000. S. 82.
6. Afanas'ev M.N. Klientelizm i rossijskaja gosudarstvennost'. M.: Centr konstitucionnyh isledovanij Moskovskogo obshhestvennogo nauchnogo fonda, 1997. S. 260–281.
7. Cit. po: Ageev O.V., Ustinkin S.N. Bjurokra-tija i politika: Uchebnoe posobie. N. Novgorod, 2003. S. 89.
8. Achkasov V.A. «Imperskij renessans» i legitimacija vlasti v sovremennoj Rossii // Vlast', gosudarstvo i jelity v sovremennom obshhestve: Sbornik materialov vtorogo vsrossijskogo nauchnogo seminarja «Sociologicheskie problemy institutov vlasti v uslovijah rossijskoj transformacii / Pod red. A.V. Duki i V.P. Mohova. Perm': PGTU, 2005. S. 66.
9. Cit. po: Renni R. Istorija i remeslo politiki // Mezhdunarodnyj zhurnal social'nyh nauk. 1998. № 23. S. 166.
10. Morozov V.E. Rossija i Drugie: identichnost' i granicy politicheskogo soobshhestva. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. S. 580.
11. Panarin A.S. Politologija: Uchebnik. M.: PBO-JuL S.M. Grachev, 2000. S. 263.
12. Zdravomyslov A.G. Problemy vlasti v sovremennoj sociologii // Problemy teoreticheskoi sociologii / Pod red. A.O. Boronoeva. SPb.: Petropolis, 1994. S. 205.
13. Rastou D.A. Perehody k demokratii: popytka dinamicheskoj modeli // Polis. 2002. S. 6–7.
14. Ahiezer A.S. Rossija: Kritika istoricheskogo opyta: (Sociokul'turnaja dinamika Rossii). T II. Teorija i metodologija. Novosibirsk: Sibirskij hronograf, 1998. S. 578.
15. Nord D. Institucional'nye izmenenija: ramki analiza // Voprosy jekonomiki. 1997. S. 10.